

Вайнахтсман и киндеры

Автор:

[Елена Нестерина](#)

Вайнахтсман и киндеры

Елена Вячеславовна Нестерина

Только-только маленький Колюшка успел узнать, что в Новый Год приходит Дед Мороз, устраивает праздник и приносит подарки, как его заставляют учить песни в честь святого Клауса. Он любит свою страну, а ему объясняют, что надо стыдиться её, а ещё лучше – просто уничтожить, потому что она враг всего хорошего. Как быть, чему верить? Стать примерным киндером или бежать к партизанам?

Елена Нестерина

Вайнахтсман и киндеры

День догорал. Ещё немного – и мороз схватит его в плен, превратит в ночь, будет держать, бить и колотить, а потом нехотя переделает в утро, покрасит на своё усмотрение небо, ненадолго включит солнышко. А потом снова выключит, снова расстелет тьму по полям и лесам. И так всю долгую зиму – холодно, голодно, страшно...

В актовом зале колхозного клуба было натоплено. Совсем немного – ровно настолько, чтобы можно было там находиться. Оккупационный режим Германской армии умел разумно экономить. В окна клуба ещё заглядывал прощальный солнечный свет, но уже горели четыре керосиновые лампы. Темнота потихоньку выползала из углов, плясали тени на неслышных мягких лапах...

Наталья Петровна, над которой висело две лампы сразу, хлопнула в ладоши и ударила каблуком в пол. Это означало, что все должны посмотреть на неё и приготовиться. Она была строгая и нарядная: в узкой юбке и новом жакете, на рукаве которого красовалась нашивка со свастикой и надписью «Treu Tapfer Gehorsam».

Третий час подряд шла подготовка к рождественскому празднику.

Дети в который раз принялись говорить заученные слова, братья за руки и танцевать под музыку, которую играл солдат на большой губной гармошке.

Уйти из клуба было невозможно: солдат зажимал коленями автомат, а возле двери неподвижно застыл ещё солдат. И тоже с автоматом на плече. В день праздника дети должны будут исполнить эту программу перед германскими офицерами – и показать в лучшем виде!

...Село захватила немецкая армия весной. Колхоз только начал подготовку к севу, трактор пахал предпоследнее поле, но произошёл прорыв фронта – и село оказалось в оккупации. Сейчас нельзя было даже вспоминать тех, кого с приходом Германской армии сразу убили: председателя колхоза Агнию Леонидовну, которую повесили на площади – за то, что она отказалась быть сотрудником и называть колхозных активистов, коммунистов и писать списки их семей. Нельзя было помнить её детей, которых расстреляли, когда они выбежали к ней из толпы, сожжённых живыми в сарае односельчан, которых поймали по пути к партизанам.

Можно было только читать листовки с новыми правилами жизни, выполнять эти правила и много работать.

Село затаилось. Выполняло, работало. Осенью урожай отправился в Великую Германию, а школу, в которую пришли дети первого сентября, первого же сентября и закрыли. Оставшихся в селе двух учительниц расстреляли. Они не хотели носить повязки послушных помощников и учить по новым правилам.

А вместо них – уже ближе к зиме – в школе появилась Наталья Петровна. У неё было несколько новеньких книг, красивые тетради, карандаши. Наталья Петровна сама где-то училась, и теперь приехала, чтобы начать воспитывать детей правильно.

Наталья Петровна была в селе до войны совсем не приметной личностью. Работала в колхозе учётчицей – учитывала и заносила в большую книгу кто что сколько и когда наработал. Больше ничем знаменита не была – в спортивных соревнованиях не участвовала, в клубе на концертах не появлялась, и даже кино смотрела редко. Шмыгала из конторы домой – только её и видели. Но час Натальи Петровны настал – и теперь она учила детей любить Великую Германию.

Дети её не слушались, и тогда в классе стали дежурить солдаты. Вот тогда, наконец, наступил долгожданный порядок – автомата боялись все.

... – Бестолковые! – нахмурившись, крикнула Наталья Петровна. – Просто бараны! Что ж вы не можете понять простые вещи, которые тысячу лет знает Европа! Вас ведут к свету, к прогрессу – а вам бы только на сеновале спать... Старайтесь! Будете хорошо себя вести, святой Николаус в Рождественскую ночь исполнит ваши желания. Поняли?

Дети загудели: «Поняли!»

А Колюшка не понял. Он не знал, кто такой святой Николаус. У бабушки за печкой висела икона, тёмная, как подкопчённая, но блестящая, будто намазанная маслом. Там был нарисован святой по имени Николай Угодник – старенький бородатый дедушка. Ему бабушка шёпотом молилась, и он должен был исполнять её желания. Бабушка просила-просила его, ругалась, когда Угодник ничего не исполнял, а потом умоляла её простить, кланялась и билась в пол лбом. При этом плакала и тыкала в себя собранными в щепоточку пальцами – крестилась. Николаус – Николай, может, это он же? Но желания под Новый год исполняет Дед Мороз – это Колюшка хорошо запомнил. Он и подарки дарил – из мешка вытаскивал! Колюшка весь год ждал Деда Мороза и праздника под ёлкой, и теперь этот праздник уже скоро, совсем скоро, но называется Рождество. Кто-то рождается, значит. Видимо, новый, 1943 год рождается, вот что!

Пока Колюшка размышлял, подошла его очередь говорить слова. Стоявшая рядом девочка толкнула его в бок, и Колюшка сделал шаг вперёд. Он только успел выкрикнуть:

– Как детей...

Как детей отвлек шум и топот. С ворвавшимся студёным воздухом в клуб вплыла ёлка – которую на вытянутых руках нёс сторож дедушка Гаврила.

– Вот она, ёлочка! – стаскивая с головы шапку, сообщил дедушка. – Куда её, милка?

– Какая я тебе милка? – сморщилась Наталья Петровна, торопливо подбежала к сцене и ткнула пальцем: – Сюда!

Дети переглянулись. Обычно ёлку ставили в середине зала, чтобы вокруг неё можно было водить хоровод. А эту, маленькую, значит, на сцену. Как же хоровод? Но никто об этом не спросил. Все теперь боялись Наталью Петровну и слушались.

Дедушка Гаврила положил ёлку на сцену и, разбрасывая ледышки со своего тулупа, ушёл.

Наталья Петровна снова построила детей и запретила смотреть, как дед вернулся с ящиком столярных инструментов и принялся строгать и стучать, сооружая треногу для ёлки.

Снова началась репетиция. Колюшка ждал своей очереди выступить, смотрел и слушал внимательно, чтобы не опоздать. Дети танцевали под губную гармошку. Она сопела, вздыхала и пищала – и казалось, что это за стеной мыши играют свою мышиную свадьбу. И, вроде бы, уже и мыш-гармонист устал, и гармошечка вот-вот порвётся, а свадьба всё никак не закончится...

– Как детей чекист советский ёлки в Рождество лишил! – вовремя заметив, как махнула рукой Наталья Петровна, вывалился из мышинной свадьбы Колюшка и заорал во всё горло.

Из-за спин детей тут же выскочил тринадцатилетний Иван, Иван был одет в драную кожанку и вышедший из употребления картуз. Рыча и целясь из деревянного маузера, он заставил всех встать на колени.

– Дрожите! Дрожите, я сказала, как следует! – кричала Наталья Петровна. Потому что многие не дрожали.

Кого-то из самых бестолковых ей пришлось схватить за ухо и поставить на колени, кого-то хлопнуть по затылку, чтоб дрожал. Ну какой раз повторяют, а как пыльным мешком стукнутые! Что за глупые дети...

Нарычавшись, чекист Иван захохотал злодейским голосом: «Ха! Ха! Ха!»

Солдат с губной гармошкой набрал воздуха и начал вдвухать в гармошку парадный немецкий марш.

Пум-пум-пум-пум-пум! – промаршировал от двери солдат с автоматом. Та-да-да-да-да-да-да! – раскрасневшись и от напряжения выкатив глаза, закричал он, старательно убивая чекиста Ивана из автомата. Иван с грохотом упал на пол, картинно раскинул руки-ноги и замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nesterina_elenavaynahtsman-i-kindery

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)